

§5 МОРАЛЬ И ПОЛИТИКА

Корнейчук Б. В.

ПОЛИТИКА «НАРОДНОГО ФРОНТА» КОМИНТЕРНА: ЦЕЛИ ЯВНЫЕ И СКРЫТЫЕ

Аннотация. В статье исследуется политика «Народного фронта» Коминтерна в период 1935–1939 гг. с целью выявить ее явные и скрытые цели. Предметом исследования выступают этические аспекты данной политики и ее влияние на международные и внутренние политические процессы. Для объективной оценки официальной советской интерпретации политики «Народного фронта» автор анализирует исторические материалы и рассматривает предысторию ее создания, пути реализации в довоенные годы и способы применения в послевоенный период для укрепления власти компартий в странах Восточной Европы. Используя методы исторического анализа, на основе исследованных материалов автор приходит к выводу о лицемерии инициаторов политики «Народного фронта», которые изначально добивались усиления международного влияния большевиков под прикрытием антифашистских и популистских лозунгов. Показано, что политика «Народного фронта», неприемлемая с этической точки зрения, тем не менее, со временем стала не только стратегией, но и «вредной» политической привычкой, стилем, сущностным способом существования некоторых маргинальных политических сил. Поэтому анализ ее проявления в разных формах будет полезен для понимания современной политической жизни, в которой остается немало места для лжи, лицемерия и популизма. Определены критерии для выявления элементов политики «Народного фронта»: объединение вокруг одной партии союзников для борьбы с мнимой угрозой, сокрытие истинных целей, выражение позиции партии от имени народа, стремление улучшить ее имидж посредством растворения в политически «нейтральном» движении, пренебрежение демократическими и этическими нормами. Выявлены характерные черты политики «Народного фронта» в современной политической жизни.

Ключевые слова: Народный фронт, Коминтерн, популизм, Мюнценберг, пропаганда, этика, международная политика, сталинизм, социалистические страны, антифашизм.

Review. The paper focuses on the Comintern's Popular Front policy (1935–1939) in order to reveal its open and hidden aims. The subject of the research are the ethical aspects of this policy and its impact on foreign and domestic political processes. For the objective evaluation of the official Soviet interpretation of the Popular Front policy, the author analyses historical materials and studies the history of its establishment, ways of implementation before the war and its application after the war to consolidate the power of Communist parties in Eastern Europe. Using the methods of historical analysis based on the studied materials, the author comes to a conclusion about the hypocrisy of the initiators

of the Popular Front policy, who initially tried to enhance the Bolsheviks' international influence under the aegis of populist and anti-fascist mottoes. The article shows that the Popular Front policy, intolerable from the ethical point of view, in the course of time eventually became not only a strategy, but also a hazardous political habit, a style, an essential mode of existence of some marginal political powers. This is why its analysis would be helpful for the understanding of modern political life, which still provides a lot of place for lies, hypocrisy and populism. The author defines the criteria for the disclosure of the elements of the Popular Front policy: unification around one allied party to fight an imaginary threat, suppression of hidden aims, expression of the party's position on the behalf of the nation, improvement of the party's image via dispersing it in a "neutral" political movement, disdain of democratic and ethical norms. The article highlights the characteristic features of the Popular Front policy in modern political life. By conducting historical and political analysis, we can figure out criteria for identifying characteristics of the Popular Front policy in the modern-day context. Among these are: allies coalescing around one party to deal with an imaginary threat; hypocritical concealment of real goals; expressing the party's position allegedly on behalf of "the people" or "popular"/"national" movements; efforts to improve the party's tarnished image by "dissolving" it in a politically "neutral" populist movement; ignoring democratic principles and ethical norms.

Keywords: stalinism, international policy, ethics, propaganda, Munzenberg, populism, Comintern, Popular Front, socialist countries, anti-fashism.

Статья посвящена анализу этических аспектов политики «Народного фронта», которую Коминтерн проводил в 1935–1939 гг. На основе анализа исторических фактов показано, что публичная позиция лидеров «фронта» была лицемерной, поскольку они изначально ставили к качеству главной своей цели скрытое усиление международного влияния руководства ВКП(б) под прикрытием антифашистских и populistских лозунгов. Политика «Народного фронта» являлась закономерным продолжением политики «Единого фронта», которую Коминтерн проводил ранее для тайной подготовки коммунистических революций в зарубежных странах под прикрытием лозунгов единства рабочих и борьбы с капиталистами и «фашиствующими» социал-демократами. После второй мировой войны она была реализована с некоторыми изменениями для закрепления власти лояльных компартий в странах Восточной Европы посредством создания «народных», «национальных» и других псевдодемократических фронтов с расчетом на постепенное ослабление в них роли других партий и монополизацию власти коммунистами.

В течение десятилетий политика «Народного фронта» в различных исторических модификациях служила главным инструментом коммунистической пропаганды за рубежом и стала институциональным элементом советской системы. Поэтому ее проявления заметны сегодня во внутренней и внешней политике России и ряда зарубежных стран, таких как Германия, Франция, Венгрия и Чехия. Главной целью статьи является выявление современных форм политики «Народного фронта», а в качестве основного метода используется построение системы исторических фактов и аналогий, которая призвана привести читателя к самостоятельному вы-

воду о проявлении этой политики в общественной жизни современной России и европейских стран.

Политика «Народного фронта» явилась логическим развитием политики «Единого фронта», идеологическая сущность которой выражена в знаменитом марксистском лозунге «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», призывающем к конфронтационному единству рабочих в непримиримой борьбе против капиталистов. Политика «единства рабочих» была взята на вооружение Коминтерном в начале 1921 г., когда сложилась угрожающая ситуация для советского режима из-за крестьянских восстаний, Кронштадтского мятежа, всеобщей стачки петроградских рабочих. Выдвигая лозунг «единства», советские лидеры стремились консолидировать вокруг себя лояльные левые силы и тем самым усилить свое влияние на международное рабочее движение и на мир в целом. А это влияние существенно ослабло, поскольку, как отмечал К. Каутский, к этому времени большевизм все больше начинает оказывать отталкивающее влияние на европейских рабочих, несмотря на то, что в предыдущие годы правдивая информация из России столь искусно смешивалась с ложью, что критика советской власти зачастую принималась ими за буржуазную клевету. Этот поворот в общественном сознании он связывает с тем, что к этому времени проводимый большевиками террор и свойственное им глубокое презрение к человеческой личности становятся очевидными для широких масс, и «они с возмущением отворачиваются от этой ужасной головы Медузы» [1, с.204].

Изначально перед Единым фронтом ставились две цели: открытая и скрытая. Первая, populistская, цель она состояла в объединении рабочих на почве повседневной борьбы против увеличения

рабочего дня, сокращения заработной платы, т.е. против наступления капитала. Призывы к конкретным действиям выступали скорее как прикрытие для достижения главной цели — завоевания компартиями политической и экономической власти. Поскольку рабочие фактически использовались лишь как средство в борьбе за власть, правые социал-демократические партии обоснованно обвиняли большевиков в лицемерии и лживом маневре. Да и лидер Коминтерна Г. Зиновьев не скрывал этого обстоятельства и открыто признавал, что лозунг «единого рабочего фронта» является вынужденным и обусловлен отсутствием поддержки компартий со стороны широких масс. Совместные действия с другими социал-демократическими партиями по защите интересов рабочих он называет тактическим маневром и «эпизодом в истории тактики Коминтерна», высказывая надежду, что «через короткое время события перешагнут через эту стадию» [2, с.26]. Провозгласив целью «Единого фронта» объединение рабочих, руководство Коминтерна на практике стремилось ослабить влияние социал-демократических партий в Европе, провозгласив их главными противниками наравне с нацистами: в циркулярном письме ЦК компартии Германии накануне референдума 1931 г. подчеркивалось, что нет никакой разницы между социал-демократами и фашистами. Тем самым, по мнению Л. Троцкого, в ходе данной компании «сталинская бюрократия вовлекла революционных рабочих в единый фронт с национал-социалистами против социал-демократии» [3, с.27].

Ведущим пропагандистом идей Коминтерна в Европе стал заместитель председателя германской компартии Вилли Мюнценберг. Во время голода в России в 1921 г. он возглавил Международный фонд помощи рабочим (Межрабпом), политические цели которого в первое время даже не скрывались: в числе важнейших успехов фонда, достигнутых за первые три года, Мюнценберг называл создание «тысяч каналов, могущих быть использованными для революционной пропаганды» [4, с.28]. Неудивительно, что организация, созданная для пропаганды, потерпела неудачу в борьбе с голодом. Голодающие с благодарностью получали помощь на постах американской организации American Relief Administration (ARA) и от Красного Креста, но они обычно ничего не слышали о МежрабпOME. Не последнюю роль в этом провале сыграл фактор коррупции, так, редакция коммунистической газеты «Юманите» выражала возмущение неспособностью Межрабпрома объяснить пропажу «посылок помощи» в период компании помощи голодающим.

Несмотря на неудачу Мюнценберга в борьбе с голодом, весной 1922 г. Ленин одобрил его программу «промышленной помощи» России и выделил своему знакомому по Циммервальду 10 млрд. руб., что сравнимо с общими затратами правительства на помощь голодающим. Новая программа началась с создания компании Аифбац, которая должна была получить право на все концессии в России и одновременно служить прикрытием для пропагандистской деятельности «Друзей Советской России». С момента создания компания была замешана в коррупции и мошенничестве. Ее начальная капитализация составляла лишь две тысячи долларов, которые были переведены с благотворительных счетов «Друзей Советской России». Счета компании были перемешаны со счетами Межрабпрома, что вовлекло общественную организацию в частный бизнес. В отсутствие финансового учета, Мюнценберг тратил деньги фонда по своему разумению, он вложил более 50 тыс. долл. в убыточные киностудии, 30 тыс. долл. потратил на покупку немецких автомобилей, которые намеревался с выгодой для себя реализовать в России. Не сумев создать в России эффективные предприятия, Межрабпом незаконно продавал на внутреннем рынке пожертвованную ему одежду, американские тракторы и др., в итоге к концу 1923 г. российский офис не имел других источников дохода кроме кредитов Советского банка. Весной 1923 г. аудиторы вскрыли факты взяток и злоупотреблений в МежрабпOME, которые Мюнценберг не смог опровергнуть, но Коминтерн и не требовал объяснений, поскольку скандал мог привести к нежелательной огласке. Проверка вызвала резкую реакцию среди немецких левых, но в Москве историю «спустили на тормозах», поскольку пропагандистские цели ставились выше экономических результатов и этических норм. Ответом Мюнценберга на проверку аудиторов стало создание в июне 1923 г. «Общества друзей Новой России» вместо «засветившегося» в махинациях общества «Друзей Советской России» [5, с.128–164].

Реальная цель создания Межрабпрома стала очевидной осенью 1923 г., когда советские лидеры посчитали пропагандистскую компанию успешно завершённой и приступили к организации революции в Германии, несмотря на то, что в национальной компартии состояло лишь три тысячи членов. Масштабная операция стала одной из первых попыток большевиков реализовать свои стратегические цели «гибридными» методами, включающие экономическую, агентурную и военную компоненты. Осенью 1923 г. стратегические резервы зерна были перевезены в Петроград для последующей переброски для

коммунистического режима в Германии, отряды кавалерии маневрировали вдоль польской границы и тысячи партийных функционеров были наготове для переброски в Берлин. Более миллиона долларов из казны были выделены на операцию, и в середине октября Берлин был наводнен «вежливыми» советскими гражданами: шпионами, посредниками и вербовщиками. Из помещения посольства был сделан банк, который располагался над офисом «нейтрального» Межрабпома. Однако армия окружила Дрезден, где был очаг восстания, и все было решено [5, с.155–158].

Поражение германской революции в значительной степени отрезвило большевистских лидеров и заставило сделать ставку на организацию подпольной работы за границей через секретный отдел международных связей Коминтерна. В этот период Мюнценберг стремится исправить запятанную репутацию немецких коммунистов и Коминтерна в целом, переключив общественное внимание на «конкретные дела». Он спешно разворачивает шумную пропагандистскую компанию на основе щедрой российской помощи голодающим в Германии. Поскольку на самом деле в 1923 г. в Германии не было голода в связи с небывалым урожаем, новая компания помощи голодающим была лицемерной по своим намерениям. Мюнценберг публично призывал оказывать немцам продовольственную помощь, издавал бюллетень «Голод в Германии» и содействовал созданию «красных» суповых кухонь в рабочих районах, но в то же время на закрытых собраниях зарубежных коммунистов он рекомендовал слать деньги вместо продовольствия, и использовал их на пропагандистские цели. Он разъяснял, что истинной целью кухонь является подготовка к революции в условиях, когда забастовочные методы борьбы стали невозможны. Весьма характерно, что неудача Мюнценберга при организации помощи голодающим в России не помешала Коминтерну передать ему значительные средства на проведение аналогичной компании в Германии. Мало того, официальное благословение новой компании и запоздалая ликвидация «скандальной» первой компании борьбы с голодом были объединены в одном документе Коминтерна от 10 ноября 1923 г. [5, с.159–161]. Такая «логика» имеет простое объяснение — скрытые цели обеих компаний были пропагандистскими, а в этой области Мюнценбергу не было равных.

Необходимость перехода к новой политике Коминтерна стала очевидной в начале 30-х годов, когда в СССР сложилась ситуация, схожая с кризисом 1921 г. Массовый голод и кризис в промыш-

ленности, а также череда громких уголовных процессов против оппозиции подорвали экономические возможности и международную репутацию страны. В то же время дальнейшее развитие экономики было невозможно без участия западного капитала и специалистов, которые по политическим и бытовым причинам покидали страну. Немецкий архитектор Р. Волтерс пишет о массовом возвращении из Сибири разочарованных иностранных рабочих: «Иной такой немецкий пролетарий-коммунист с развернутым знаменем, являлся в рай для трудящихся — и теперь он знал, где находится ад» [6, с.164]. Принятый в ВКП(б) американский инженер Э. Смит в 1935 г. сдал партбилет и покинул СССР по причине принципиального несогласия с советской системой. Он увидел здесь все, против чего трудящиеся выступают в США, причем в гораздо худшем виде, однако был возмущен тем, что бороться с этим злом в «республике рабочих» запрещено. На репутацию страны негативно повлиял введенный США таможенный запрет на ввоз ряда советских товаров, которые, как было известно, производили политические заключенные. Мы полагаем, что главной целью организаторов возвращения М. Горького в СССР в 1932 г. также была попытка укрепить международную репутацию страны и Коминтерна. В своей статье «С кем вы, мастера культуры?» он выступает с позиций политики «единого фронта» и ставит деятелей культуры перед бескомпромиссным классовым выбором: быть на стороне «чернорбочей силы культуры» или «касты безответственных хищников».

Проблема имиджа требовала решения, прежде всего, по экономическим причинам, поскольку низкий уровень отечественных специалистов не давал шансов на успешное «импортозамещение» промышленных товаров. На основе анализа обширного фактического материала Э. Саттон пришел к выводу о полной зависимости советской индустриализации от зарубежных технологий и неспособности страны преодолеть технологическое отставание своими силами [7]. Американские инженеры руководили работами на строительстве Днепрогэса, Сталинградского, Харьковского и Челябинского тракторных заводов, Горьковского и Московского автозавода «АМО», Магнитогорского металлургического комбината. В экономике широко использовались тракторы «Катерпиллер» под маркой «Сталинец», «Форды» под маркой «ГАЗ» и др. Так, в 1931 г. продукция компании «Форд» составляла 80% автомобильного парка СССР. Доля Германии в инвестициях была еще выше — в начале 1930-х по объему импорта оборудования она занимала первое место.

Экономическая цель новой политики Коминтерна состояла, в том числе, в пропагандистской обработке западных специалистов и рабочих, многие из которых принимали решение о трудовой эмиграции в Советский Союз, воодушевленные идеей строительства справедливого общества трудящихся. Проблема исправления испорченного имиджа требовала также своего решения внутри коммунистического движения, поскольку авторитарные методы, которыми Москва через Коминтерн руководила зарубежными компартиями, не могли не вызывать их растущее недовольство. Чтобы навязать компартиям тактику «единого фронта» Коминтерн во второй половине 20-х гг. шел на принудительную смену руководства мятежных партий. Характер отношения центра и компартий в этот период наглядно иллюстрирует позиция Сталина, высказанная в 1927 г.: «Кто такие эти люди из Коминтерна? Это — нахлебники, живущие за наш счет» [8, с.58]. Чтобы ослабить недовольство зарубежных товарищей, требовалось придать системе управления Коминтерна внешние демократические черты.

Новый курс на создание «Народного фронта» был принят летом 1935 г. на Седьмом конгрессе Коминтерна. Вместо лозунга «единства рабочих», уравнивающего социал-демократию и фашизм, был провозглашен лозунг «единства антифашистских сил», допускающий сотрудничество с социал-демократами и буржуазными интеллектуалами. Руководителем новой компании вновь стал Мюнценберг, который на деньги Коминтерна организовал газеты, клубы книголюбов, издательства, театры и кинокомпании, ставшие «культурными» плацдармами политики сталинского антифашистского фронта. Для привлечения различных политических сил в Народный фронт Мюнценберг выдвинул надпартийный лозунг «Димитров призвал — и миллионы ответили: Единство! Единство! Единство!» и активно заманивал интеллигенцию в «клубы невинных» идеей единства и духовной солидарности с пролетариатом. Одним из них стал Всемирный комитет помощи жертвам германского фашизма. Для сокрытия пропагандистских целей комитета и придания ему вида надпартийной организации, не связанной с Коминтерном, Мюнценберг не допускал в него коммунистов за исключением широко А. Барбюса и других столь же известных лиц. Великий физик А. Эйнштейн согласился участвовать в работе комитета и вскоре с удивлением обнаружил, что стал его председателем [9, с.87]. Один из лидеров Народного фронта писатель Г. Манн на пике репрессий в 1937 году заявлял, что в Советском Союзе удалось, наконец-то прочно построить общество, основанное

на справедливости» и восклицал: «как было бы хорошо, если бы у нас скоро началась такая же жизнь, как в СССР» [10, с.60]. Писатель умело использовал понятие «счастья» для построения ассоциативной связи между описанием благополучной жизни советских людей и миссией движения: «социалисты, католики и все другие участники Народного фронта объединены волей к счастью» [10, с.61]. Эта надуманная связь была усилена прямым противопоставлением Народного фронта и фашизма: «после прихода фашизма неизбежно возникает Народный фронт, как после молнии следует гром, и его передовой, боевой отряд — объединившиеся рабочие» [10, с.75]. Тем самым читателя подводят к выводу, что противники Народного фронта одновременно препятствуют счастью рабочих и выступают пособниками фашизма, а тогда если бы некий активист социал-демократов отрекся от необходимости Народного фронта, то «тем самым он совершил бы тягчайшее преступление» [10, с.53]. Восторженные эпитеты Г. Манна в адрес СССР удивительным образом перекликаются с оценками «нового друга» современной России французского актера Ж. Депардьё: «в России хорошо жить», «Россия — страна великой демократии», «только в такой стране мы никогда не бываем одиноки» [11].

Лицемерие «надпартийной» позиции Народного фронта проявилось в феврале 1936 г., когда на его третьем Конгрессе коммунисты составили лишь пятую часть делегатов, а манифест конгресса был выражен в бесклассовом духе. Мюнценберг немедленно получил от ЦК компартии Германии агрессивное требование о необходимости идеологической чистоты «фронта». Считая, что он прав и действует в духе новой политики широкого «единства», он провел секретную встречу с социалистами в присутствии независимых немецких журналистов, где откровенно критиковал жесткую классовую позицию ЦК КПГ в отношении Народного фронта. В марте позиция Мюнценберга получила формальную поддержку Коминтерна, и он лишь получил выговор за «стирку грязного партийного белья» перед журналистами. Однако фактическое отношение к нему лидеров Коминтерна проявилось в форме прекращения финансирования, так что его семья начала испытывать нужду. После отказа Мюнценберга участвовать в «путаном» Народном фронте Ульбрихта, в нем взяли верх сторонники старого лозунга «социал-фашизма», что означало конец изначально нежизнеспособного «надпартийного» проекта [5, с.280–282].

Троцкий со свойственной ему прямоотой писал о лживости, искусственности Народного фронта

как средства политического обмана трудящихся. Он обвинял Сталина в том, что хитрит с историческим процессом так же как с отдельными людьми, и в качестве примера приводит испанскую военную компанию, которая началась в условиях, когда испанская компартия являлась маленьким меньшинством и встречала все возрастающую ненависть со стороны рабочих. Как он отмечает, дух лживости и лицемерия проникает сверху вниз на все уровни советской системы, и в итоге высокопоставленные московские циники в своей среде смеются над лозунгами «Народного фронта», одновременно используя для обмана трудящихся многочисленных проповедников этой «священной формулы». Поэтому европейским политикам нельзя доверять агентам Кремля, которые заводят разговор о «союзе демократий» против фашистских агрессоров [3]. По словам главы военной разведки в Европе и одного из создателей Народного фронта В. Кривицкого, тактика фронта состояла в том, чтобы с помощью всякого рода «попутчиков» и просто одураченных людей ставить у власти правительства, дружественно настроенные к Советскому Союзу. Он называет Народный фронт «троянским конем» и «уловкой» для усиления политического влияния Коминтерна. По его словам, агенты Коминтерна распределяли деньги для работы компартий и их фальшивых фронтов, таких, как Лига в защиту демократии, МОПР, «Друзья Советского Союза» и других псевдо-независимых организаций, которые нужны были Сталину для создания Народного фронта. Во Франции Народный фронт чуть ли не полностью охватил всю государственную машину, и коммунисты, тщательно скрывая свою партийную принадлежность, заняли сотни ключевых должностей, а Москва получила возможность влиять на должностные лица, которые никогда бы не подошли к агенту ОГПУ или Коминтерна [8, с.45–61]. Лицемерие антифашистских лозунгов «фронта» иллюстрирует тот факт, что с приходом нацистов к власти экономические контакты СССР и Германии продолжались с использованием немецких кредитов, вплоть до июня 1941 г.

Обращенная к зарубежным странам, политика Народного фронта выполняла важную внутриполитическую функцию. Поддержка «фронта» со стороны ряда влиятельных международных общественных организаций и известных личностей укрепляла авторитет советской власти в мире и позволяла Сталину проводить широкомасштабные репрессии, не опасаясь острой реакции Запада. В. Кривицкий отмечает, что за границей слабо сознают, как жизненно необходимо было для Сталина

в 1936–1938 гг. получить возможность заявить, что зарубежные коммунисты единодушно поддерживают ликвидацию «троцкистско-фашистских предателей» [8, с.51–52]. Созданный в преддверие Большого террора и нацеленный на упреждение негативной его оценки со стороны мировых демократических сил, Народный фронт выступил, по сути, пособником ОГПУ и широко использовался как инструмент политических репрессий против оппозиции. В то время как Г. Манн, А. Барбюс и другие «независимые» интеллектуалы обеспечивали литературно-художественное прикрытие для преследования противников «фронта», в стране были организованы многочисленные уголовные процессы против оппозиции при поддержке пропаганды, которая заявляла, что «главная задача троцкистских шпионов — это дискредитация и взрыв народного фронта» [12, с.47].

Лицемерие создателей «Народного фронта» стало очевидным всему миру в день подписания в августе 1939 г. германо-советского пакта, который противоречил заявленным «антифашистским» целям движения. В. Кривицкий оценил это событие как падение занавеса, прикрывающего фарс Народного фронта [8, с.58], а Мюнценберг назвал этот документ изменой социализму, а Сталина — предателем революции. Он с отвращением утверждал, что «социалистической России больше нет», провозгласив новый лозунг «Довольно маневров Народного фронта!» [5, с.301–302]. Один из лидеров Народного фронта Т. Манн в 1940 г. писал: «Мы служим тому, что неправдоподобно уже давно. Я делаю это здесь изо всех сил — без веры, в чем сокрушенно признаюсь, и с сильным сомнением в том, что сторона, на которой борешься, стоит того, чтобы с нею погибнуть» [13, с.110]. Учитывая мстительный характер Сталина, можно предположить его причастность к неожиданному «самоубийству» В. Кривицкого и загадочной смерти В. Мюнценберга.

После второй мировой войны различные версии Народного фронта выполняли функцию «демократического фасада» для новых авторитарных режимов, служили способом навязывания сталинского варианта коммунизма другим странам в условиях, когда ни одна из политических сил в регионе не имела возможности парламентским путем сосредоточить власть в своих руках. Идея «демократического блока» изначально была лицемерной, поскольку подразумевала, что со временем коммунисты тем или иным способом добьются в нем лидирующего положения и в итоге получат всю полноту политической власти. Попытки других партий установить реальные демократические процедуры

внутри «фронтов» отслеживались и жестко пресекались. Так, резидент МГБ сообщал в Москву, что лидер Народной крестьянской партии Югославии Д. Йованович в апреле 1946 г. заявил, что все политические партии в стране, кроме коммунистической, лишены возможности играть какую-либо роль в Народном фронте Югославии: «Мы должны доказать, что наша страна демократическая, а не вотчина одной партии»^[14, с.310]. Отказ руководителей компартии Югославии действовать жесткими методами против других партий блока был расценен в ЦК ВКП(б) как их политическая ошибка, приведшая к растворению компартии в Народном фронте. Другой пример — в беседе с членами Политбюро Компартии Венгрии сотрудник ЦК ВКП(б) ставил задачу укрепить Венгерскую партию трудящихся в Народном фронте и ослабить, растворить в нем другие партии. Продолжение старой тактики поддержки других партий «может привести к тому, что крестьяне пойдут не в Венгерскую партию трудящихся, а в национально-крестьянскую»^[14, с.582].

Политика «Народного фронта» в послевоенный период включала также другую скрытую цель — манипулирование выборами. В послевоенной Германии коммунисты имели ничтожные шансы на получение власти: на первых выборах в муниципальные советы в американской зоне компартия получила лишь 3,5%, в то время как ХСС — 37,9% и СДПГ — 21,5%. В 1946 г. результаты выборов в советской зоне оказались ниже ожидавшихся: СЕПГ, как «русская государственная партия», получила 58%, в то время как буржуазные партии из-за установленного «фильтра» смогли выставить кандидатов лишь в нескольких сельских общинах. Для исправления положения вновь был задействован проверенный лозунг «единства» и механизмы «Народного фронта». В 1948 г. на Всенародном Съезде за Единство и Справедливый Мир был создан псевдо-парламентский орган — Немецкий Народный Совет, а в следующем году — Национальный фронт, который согласно официальным документам, был призван объединить «всех немцев, являющихся патриотами Германии», но деле служил лишь надпартийной ширмой для власти СЕПГ. Для сокрытия истинных целей «фронта» Сталин откорректировал нарочито проводимую с 1947 г. советскую ориентацию Пика и Ульбрихта, предписав им придерживаться «надпартийной» политики Национального фронта. Можно предположить, что формальная нейтральность «фронта» нужна была ему также для реализации попыток создания его аналога в Западной Германии. Так, западногерманская разведка сообщала о деятельности

«Национального фронта» Гротвеля, на которую якобы было выделено 10 млн. западногерманских марок^[15, с.127].

Анализ политики «Народного фронта» в ее разных формах позволяет построить исторические параллели, полезные для понимания современной политической жизни, в которой остается немало место для лжи, лицемерия и популизма. Феномен «Народного фронта» требует не столько изучения с точки зрения эффективности политического менеджмента, сколько этической оценки. С. Макмикин называет Мюнценберга создателем величайшей лжи нашего времени, который совершил преступления против человечности и общественной морали, поскольку он использовал кровавые деньги большевиков, чтобы обелить тиранию в глазах западного общественного мнения. Его изобретения в сфере пропаганды были заимствованы нацистами, а сейчас успешно используются террористическими организациями, которые оперируют столь же «прогрессивными» понятиями, как «антиимпериализм» и «антифашизм», изобретенными Мюнценбергом в 20-х годах, на смену которым сейчас пришли «антиамериканизм» и «антиисламизм». Для пропагандистского прикрытия неблагоприятных целей используется проверенная схема: сначала нечто провозглашается абсолютным злом, затем создается «фронт» борьбы с этим злом, и, наконец, все противники «фронта» объявляются пособниками зла. Применив данный прием при создании «Народного фронта», Коминтерн, как крупнейшая террористическая конспиративная организация прошлого века, стремился уничтожить буржуазное общество посредством проникновения в его институты, блестяще играя на его склонности к самокритике. В наше время исламские террористы также используют открытость демократических обществ для перемещения денег, людей и вооружений через границы и применяют современные технологии, чтобы убивать демократию, доверие между людьми и гуманизм^[5, с.306–307]. По мнению Д. Ботца, Народный фронт оказался трагическим поражением рабочего класса, а со временем стал не только стратегией, но и «вредной» политической привычкой, стилем, сущностным способом существования «еврокоммунистов» и некоторых маргинальных политических сил^[16]. К последним мы относим французскую крайне правую партию «Национальный фронт» под руководством Марин Ле Пен. Положив в основу своей популистской программы националистические и анти-иммигрантские лозунги и выступая противником Евро-

союза, партия не добилась финансирования внутри страны, но получила внешнюю финансовую помощь. Так, кредит Первого Чешско-Российского банка в сумме 9 миллионов евро, выданный осенью 2014 г. за несколько месяцев до региональных выборов, сыграл свою роль в значительном успехе партии — свыше 25% голосов. Здесь, на наш взгляд, допустима аналогия с финансированием Коминтерном непопулярных европейских компартий. На основе обобщения сходных исторических фактов, включая неожиданно вспыхнувшую и неожиданно погасшую «любовь» актера Ж. Депардье к современной России, мы делаем вывод о присутствии элементов политики «Народного фронта» в современной политической жизни.

Проведенный историко-политический анализ позволяет определить характерные признаки политики «Народного фронта». К ним мы относим объединение вокруг одной партии лояльных союзников для борьбы с некоей мнимой угрозой, эксплуатация лозунга «единства», лицемерное сокрытие истинных целей и финансирование тайных операций, выражение позиции партии от имени народа или народных/национальных движений, использование известных людей в пропагандистских целях, стремление улучшить испорченный имидж партии посредством ее «растворения» в политически «нейтральном» популистском движении, пренебрежение демократическими принципами и этическими нормами.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Каутский К. Диктатура пролетариата. Отношение демократии к государственному рабству. Большевик в тупике. М.: АНТИДОР, 2002–315.
2. Зиновьев Г. Коминтерн и единый рабочий фронт. Пг.: ГИЗ, 1922. — 45 с.
3. Антология позднего Троцкого / сост. М. Васильев, И. Будрайтскис. М.: Алгоритм, 2007. — 608 с.
4. Мюнценберг В. Германская социал-демократия и международная рабочая помощь. М.: Мосполиграф, 1924. — 32 с.
5. McMeekin S. 2003. The Red Millionaire: A Political Biography of Willi Munzenberg, Moscow's Secret Propaganda Tsar in the West, 1917–1940. New Haven, London. Yale University Press. — 397 p.
6. Волтерс Р. Специалист в Сибири. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2010. — 260 с.
7. Sutton A. C. 1971. Western Technology and Soviet Economic Development, 1930 to 1945. Stanford, California, Hoover Institution Press, — 431 p.
8. Кривицкий В. Я был агентом Сталина. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1998. — 336 с.
9. Гордиевский О., Эндрю К. КГБ — Разведывательные операции от Ленина до Горбачева. М.: Центрполиграф, 1999. — 667 с.
10. Манн Г. В защиту культуры. М.: Радуга, 1986. — 416 с.
11. Шестаков Е. Окно из Парижа // Российская газета. 2013. № 5977.
12. Заковский Л. и др. Выкорчевать до конца троцкистско-бухаринских агентов фашизма. Новосибирск: Зап. — Сибирское краевое изд-во, 1937. — 72 с.
13. Манн Т. Письма. М.: Наука, 1975. — 464 с.
14. Советский фактор в Восточной Европе, 1944–1953 гг. / отв. ред. Т. В. Волокишина. Т. 1. М.: РОСС-ПЭН, 1999. — 687 с.
15. Советская политика в отношении Германии, 1944–1954 гг. / отв. ред. Я. Файтцик. М.: РОССПЭН, 2011. — 751 с.
16. Botz D. 2011. The Popular Front, A Social and Political Tragedy: The Case of France. // New Politics, Vol. XIII, No 2 Доступ: <http://new.pol/content/popular-front-social-and-political-tragedy-case-france> (проверено 12.04.2015).
17. Гуревич П. С. Социальная демагогия как феномен // Философия и культура. — 2013. — 10. — С. 1347–1352. DOI: 10.7256/1999–2793.2013.10.9864.
18. Сардарян Г. Т. О политической этике и мировом демократическом развитии // Политика и Общество. — 2014. — 10. — С. 1212–1218. DOI: 10.7256/1812–8696.2014.10.13067.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Kautskii K. Diktatura proletariata. Otnoshenie demokratii k gosudarstvennomu rabstvu. Bol'shevizm v tupike. M.: ANTIDOR, 2002–315.
2. Zinov'ev G. Komintern i edinyi rabochii front. Pg.: GIZ, 1922. — 45 s.
3. Antologiya pozdnego Trotskogo / sost. M. Vasil'ev, I. Budraitskis. M.: Algoritm, 2007. — 608 s.

4. Myuntsenberg V. *Germanskaya sotsial-demokratiya i mezhdunarodnaya rabochaya pomoshch'*. M.: Mospoligraf, 1924. — 32 s.
5. McMeekin S. 2003. *The Red Millionaire: A Political Biography of Willi Munzenberg, Moscow's Secret Propaganda Tsar in the West, 1917–1940*. New Haven, London. Yale University Press. — 397 p.
6. Volters R. *Spetsialist v Sibiri*. Novosibirsk: Svin'in i synov'ya, 2010. — 260 s.
7. Sutton A. C. 1971. *Western Technology and Soviet Economic Development, 1930 to 1945*. Stanford, California, Hoover Institution Press, — 431 p.
8. Krivitskii V. *Ya byl agentom Stalina*. M.: TERRA-Knizhnyi klub, 1998. — 336 s.
9. Gordievskii O., Endryu K. *KGB — Razvedyvatel'nye operatsii ot Lenina do Gorbacheva*. M.: Tsentrpoligraf, 1999. — 667 s.
10. Mann G. *V zashchitu kul'tury*. M.: Raduga, 1986. — 416 s.
11. Shestakov E. *Okno iz Parizha* // Rossiiskaya gazeta. 2013. № 5977.
12. Zakovskii L. i dr. *Vykorchevat' do kontsa trotskistsko-bukharinskikh agentov fashizma*. Novosibirsk: Zap.—Sibirskoe kraevoe izd-vo, 1937. — 72 s.
13. Mann T. *Pis'ma*. M.: Nauka, 1975. — 464 s.
14. *Sovetskii faktor v Vostochnoi Evrope, 1944–1953 gg.* / otv. red. T.V. Volokishina. T.1. M.: ROSSPEN, 1999. — 687 s.
15. *Sovetskaya politika v otnoshenii Germanii, 1944–1954 gg.* / otv. red. Ya. Faitsik. M.: ROSSPEN, 2011. — 751 s.
16. Botz D. 2011. *The Popular Front, A Social and Political Tragedy: The Case of France*. // *New Politics*, Vol.XIII, No 2 Dostup: <http://new.pol/content/popular-front-social-and-political-tragedy-case-france> (provereno 12.04.2015).
17. Gurevich P. S. *Sotsial'naya demagogiya kak fenomen* // *Filosofiya i kul'tura*. — 2013. — 10. — С. 1347–1352. DOI: 10.7256/1999–2793.2013.10.9864.
18. Sardaryan G. T. *O politicheskoi etike i mirovom demokraticheskom razvitii* // *Politika i Obshchestvo*. — 2014. — 10. — С. 1212–1218. DOI: 10.7256/1812–8696.2014.10.13067.